К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ И МЕХАНИЗМАХ УЧАСТИЯ РОССИИ В ПРОЦЕССАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Д.И.Ушкалова

Институт экономики РАН. 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32

Статья посвящена анализу моделей и механизмов участия России в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, реализуемых в последние годы. Подробно рассматриваются модель интеграционного взаимодействия в рамках ТС/ЕЭП/ЕАЭС и непосредственные механизмы её реализации. Исследуются важнейшиепрепятствия на пути для дальнейшего развития интеграции в рамках ЕАЭС, в частности, исчерпание краткосрочных и среднесрочных эффектов интеграции на фоне недостаточного уровня развития кооперационных связей и отсутствия эффективного механизма согласования интересов и принятия решений, основанного на принципе квалифицированного большинства.

Делается вывод, что в основе ухудшения динамики взаимной торговли в рамках ТС/ЕЭП лежат фундаментальные факторы, важнейшим из которых является ослабление среднесрочных эффектов интеграции, которые хотя и подняли объём взаимной торговли на новый уровень сразу после создания Таможенного союза, однако поменяли качественные характеристики её роста в долгосрочной перспективе.

Автор указывает на отсутствие значимых долгосрочных интеграционных эффектов от создания ТС/ЕЭП, которые были бы обусловлены повышением ёмкости объединённого рынка за счёт изменения структуры экономики. При этом объясняется, что возникновение подобных долгосрочных эффектов возможно только в контексте сращивания национальных экономик на микроуровне – развития разветвлённой системы прямых связей субъектов бизнеса, на основе включающей внутриотраслевую производственную кооперацию.

Автор также анализирует результаты применения принципов открытого регионализма во взаимодействии России со странами за пределами евразийского «интеграционного ядра». В статье формулируются предложения по совершенствованию инструментария развития интеграционного взаимодействия как в рамках ЕАЭС, так и за его пределами. В частности, предлагается внедрять систему децентрализованных организаций для реализации конкретных проектов сотрудничества в отдельных сферах деятельности с учётом мультипликативного эффекта подобного «точечного» воздействия.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Таможенный союз и ЕЭП России, Белоруссии и Казахстана; региональная экономическая интеграция; постсоветское пространство.

Стратегии экономической интеграции, реализуемые на пространстве Большой Европы в последние годы сталкиваются с многочисленными критическими вызовами. На фоне предельного обострения конкуренции между европейским и евразийским интеграционными проектами обсуждение вопроса о моделях и механизмах участия России в процессах региональной интеграции становится актуальным, как никогда ранее.

В последние годы стратегия взаимодействия России со странами «пояса соседства» была существенно модифицирована и стала учитывать имеющиеся теоретические наработки в сфере экономической интеграции в значительно большей степени, чем это было в её предшествующих редакциях. В рамках стратегии России по взаимодействию с партнёрами на постсоветском пространстве была предпринята попытка применения дифференцированного подхода (три уровня отношений: Таможенный союз – многосторонняя зона свободной торговли СНГ – прочие страны), по существу копировавшего концепцию дифференцированной интеграции, применяемую Европейским союзом по отношению к новым членам и соседям.

Постепенно происходил также отход от абсолютизации европейского опыта, в частности, начали применяться наработки концепции открытого регионализма. Между тем, результаты применения обновлённых подходов к политике в отношении стран СНГ представляются неоднозначными и требуют детального анализа.

Формирование «ядра» евразийской интеграции: модель и практическая реализация

Успехи стратегии России по взаимодействию со странами «пояса соседства» в последние годы были связаны, главным образом, с формированием «ядра» евразийской интеграции – Таможенного союза /Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана/ Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Фактически ТС/ЕЭП/ЕАЭС является наиболее успешным проектом российско-центричной интеграции в постсоветской истории: идея Таможенного союза в составе России, Белоруссии и Казахстана была претворена в жизнь менее чем за 3 года. Впервые на постсоветском пространстве была создана единая таможенная территория трёх стран, а функции таможенно-тарифного и нетарифного регулирования переданы наднациональному органу.

В настоящее время уровень интеграционного взаимодействия в рамках евразийского интеграционного «ядра» достаточно высок:

– проводится единая торговая политика (с некоторыми оговорками);

– действует единая система таможенно-тарифного и нетарифного регулирования и таможенного администрирования;

– осуществлён перенос таможенного и других согласованных видов государственного контроля на внешнюю границу;

– единая система санитарно-ветеринарных и фитосанитарных требований;

– обеспечена свобода перемещения трудовых ресурсов и пр.

Однако несмотря на относительную успешность формирования основного каркаса евразийской интеграции, оценка перспектив её дальнейшего развития и, следовательно, эффективности российской стратегии на данном направлении, требует критического ретроспективного анализа и осмысления достигнутых результатов. Представляется, что успех в формировании ТС/ЕЭП/ЕАЭС был в значительной степени обусловлен исправлением «модельных» ошибок, допущенных при реализации в регионе других интеграционных инициатив.

Так, на фоне предыдущих проектов региональной интеграции в СНГ создание ТС/ЕЭП/ЕАЭС отличается, с одной стороны, наиболее последовательным и точным подражанием европейской модели интеграции (модели традиционного регионализма), а с другой стороны, – наиболее адекватной адаптацией этой модели к условиям постсоветского пространства. При этом с самого начала формирование Таможенного союза отличалось продуманной «логистикой» и достаточно жёсткой договорной переговорного процесса.

Следует отметить, что в российском научном и экспертном сообществе достаточно распространена точка зрения, согласно которой европейская модель интеграции является, в принципе, неприменимой к реалиям постсоветского пространства [8], что доказывается многочисленными неудачами интеграционных инициатив в СНГ, базировавшихся на принципах традиционного регионализма. В действительности же «европейская модель интеграции» на постсоветском пространстве никогда не применялась: ещё в 1990-е гг. за основу была взята весьма упрощённая и выхолощенная схема европейской интеграции, причём многие важнейшие атрибуты реальной европейской модели по объективным и субъективным причинам были просто отброшены.

Так, под европейской моделью интеграции понималось, главным образом, последовательное продвижение от зоны свободной торговли до валютного союза (схема Б. Балашши). При этом конкретные методы и институциональные основы интеграционного строительства в Европе, а также факторы, способствующие и препятствующие этому строительству, были, по существу, проигнорированы.

Между тем, в действительности «европейская модель интеграции» впитала в себя достижения теорий и экономической, и политической интеграции, а важнейшей её составляющей был и остаётся блок вопросов, касающихся закономерностей процесса согласования интересов, создания интеграционной мотивации и построения

институционально-политического механизма, которые в конечном счёте и определяют возможности фактического становления регионального интеграционного организма.

Упрощённое использование западноевропейского опыта интеграционного строительства привело к тому, что модели интеграции на постсоветском пространстве (СНГ, ЕврАзЭС, Союзное государство) на протяжении многих лет игнорировали требование разработки пошагового плана согласования экономических интересов государств, а также формирования эффективного институционального каркаса интеграции[1].

При создании Таможенного союза многие указанные ошибки были исправлены. В противовес аморфным и вялотекущим действиям стран при объединении постсоветского пространства в рамках СНГ или ЕврАзЭС был создан достаточно чёткий формат интеграционного строительства с соблюдением, по мере возможности, «классической» последовательности форм интеграционного объединения и сроков этого процесса; был имплементирован институт наднациональности, а также относительно эффективный механизм согласования интересов сторон[2].

Между тем, в процессе эволюции интеграционного объединения многие позитивные «нововведения» были утеряны. Так, уже на стадии создания ЕЭП стороны вернулись к принципу «одна страна – один голос» и принятию решений консенсусом, что существенно сузило возможности для нахождения оптимального баланса интересов, необходимого для эффективного решения актуальных проблем. В целом, именно необходимость постоянного поиска консенсуса трактуется многими отечественными исследователями как один из важнейших недостатков механизма принятия решений в рамках евразийской интеграции [7].

Тенденцию к усилению роли межгосударственных согласований в ущерб наднациональному принципу демонстрирует и подписанный Договор о Евразийском экономическом союзе, предусматривающий фактически квотный принцип при назначении должностных лиц Евразийской экономической комиссии (директоров департаментов и их заместителей). Так, «должностные лица департамента Комиссии не могут быть гражданами одного и того же государства» [4, п.2 Статьи 9]. В результате кадровый потенциал интеграционного строительства, нацеленный на единый результат, во многом может быть утерян.

В целом Договор о ЕАЭС, направленный на завершение формирования пространства со свободным перемещением товаров, услуг, капитала и рабочей силы, в значительной степени явился результатом кодификации уже действующих в рамках ТС/ЕЭП договорённостей и продемонстрировал крайнюю осторожность сторон в процессе передачи полномочий на наднациональный уровень. Договорённости, достигнутые, по словам Президента Республики Беларусь А. Лукашенко, «в ходе очень непростого переговорного процесса» [1], включают широкий спектр возможностей для реализации странами автономных действий даже в тех сферах, в которых полномочия уже переданы наднациональным органам.

Например, «государства-члены в торговле с третьими странами могут в одностороннем порядке вводить и применять меры нетарифного регулирования в порядке, предусмотренном приложением № 7 к настоящему Договору» [4, статья 47], несмотря на то, что уже «применяются Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза и иные единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьими сторонами» [4, статья 25].

В этих условиях отсутствие эффективного механизма согласования интересов и принятия решений, подобного принципу квалифицированного большинства в ЕС, становится одним из важнейших препятствий для дальнейшего успешного функционирования Евразийского экономического союза. Специфика механизма согласований в ЕАЭС и его институционального каркаса обусловливает возникновение критических рисков для интеграционного объединения, которое может оказаться «заложником» тактических интересов сторон, особенно с учётом его планируемого расширения.

Другой блок рисков для углубления экономической интеграции в рамках ЕАЭС связан с реалиями экономического взаимодействия сторон на микроуровне. Развитие торгово-экономического взаимодействия России, Белоруссии и Казахстана в условиях создания Таможенного союза и Единого экономического пространства демонстрирует достаточно противоречивые тенденции.

С одной стороны, в первые два года функционирования ТС отмечалось существенное положительное воздействие интеграционного процесса на внешнюю и взаимную торговлю трёх стран. С другой стороны, проведённые нами исследования интеграционных эффектов не выявили масштабного качественного позитивного влияния экономической интеграции на базовые характеристики торговли, а масштаб и

[1] Недостатки институциональной структуры евразийской интеграции подробно рассматривались в [7].

[2] Согласно Договору о Комиссии Таможенного союза, в её состав вошли представители стран-участниц на уровне заместителей глав правительств, член Комиссии от Российской Федерации получил 57% голосов, члены от Республики Беларусь и Республики Казахстан – по 21,5%, а решения принимались большинством в 2/3 голосов. При этом решения по чувствительным товарам принимались консенсусом. Предусмотрено было также своего рода «право вето». Подобный подход, по существу, ограничил возможность «навязывания» мнения российской стороны Белоруссии и Казахстану, что существенно снизило их опасения относительно потенциальной угрозы несоблюдения их интересов и тем самым усилило интеграционную мотивацию [5].

характер внешнеторговых эффектов оказался существенно дифференцирован по странам и секторам экономики [2, с. 8-26; 15].

Эффекты от создания ТС во внешней и взаимной торговле трёх стран асинхронны и различаются по масштабам. Проведённое эконометрическое исследование подтвердило, что его создание привело к росту российско-белорусской торговли в 2010-2012 гг., в то время как для российско-казахстанской и белорусско-казахстанской торговли эффект оказался не таким заметным. Иными словами, активизация торгового обмена между Россией и Белоруссией оказалась важнейшим статистически подтверждённым интеграционным эффектом в сфере торговли [15].

Важными эффектами от создания Таможенного союза стали некоторая активизация взаимной торговли готовой продукцией и эволюция отраслевой специализации стран на едином рынке. Тем не менее, создание ТС и ЕЭП России, Белоруссии и Казахстана не привело к кардинальной позитивной трансформации товарной структуры взаимной торговли (см. Рис. 1).

После резкого повышения удельного веса минеральных продуктов в 2011 г. под воздействием отмены экспортных пошлин на нефть при вывозе из России в Белоруссию значение данной товарной группы в структуре взаимной торговли постепенно снижалось, однако эта тенденция не сопровождалась существенным ростом доли машин и оборудования. Единственным значимым и устойчивым изменением товарной структуры взаимного экспорта явилось увеличение удельного веса продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья.

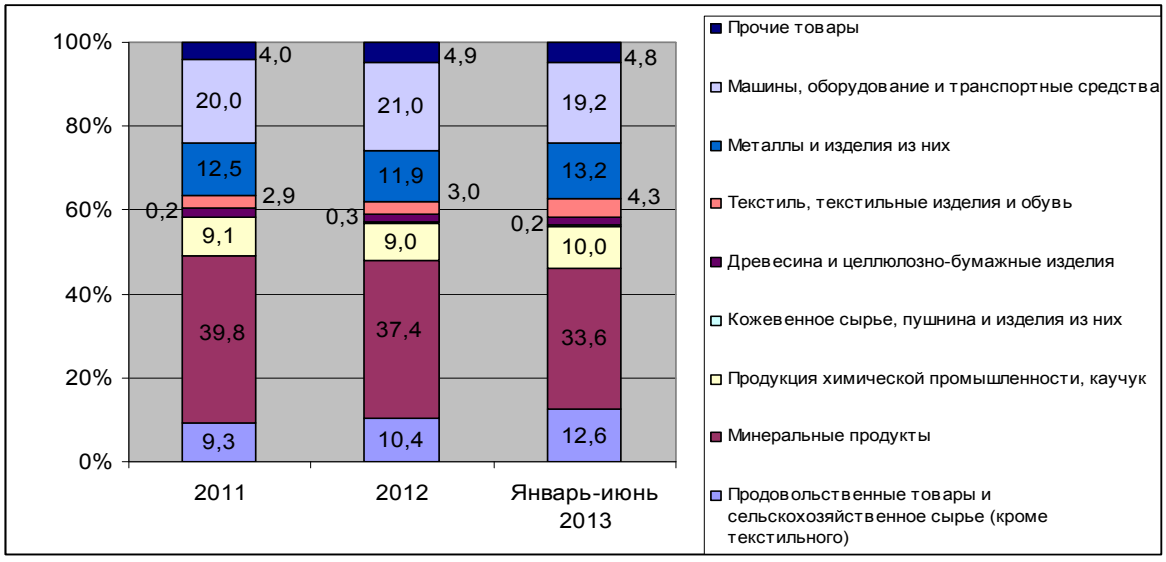
Следует, однако, отметить, что динамика товарных структур экспорта России, Белоруссии и Казахстана в страны Таможенного союза демонстрирует процесс активной эволюции отраслевой специализации. Так, например, в экспорте Белоруссии происходит увеличение удельного веса продовольственных товаров (с 22,6% в 2011 г. до 27,4% в 2013 г.) и минеральных продуктов (с 1,4% до 6,4% соответственно) за счёт сокращения доли машин и оборудования (с 42,1% до 31,2%) [13].

Возрастает значение продовольствия и в экспорте Казахстана, в товарной структуре которого при этом, наоборот, падает доля минеральных продуктов и металлов и изделий из них. Так, удельный вес минеральных продуктов в структуре экспорта Казахстана сократился с 49,8% в 2011 г. до 40,8% в 2013 г., металлов, а также металлоизделий – с 28,7% до 24,2% соответственно; доля же продовольственных товаров возросла с 1,8% до 8,1% [13]. Наибольшую устойчивость продемонстрировала товарная структура экспорта России, значимые изменения в которой связаны практически исключительно с динамикой поставок минеральных продуктов [13].

Необходимо констатировать, что к началу 2013 г. потенциал опережающего роста взаимной торговли в рамках ТС/ЕЭП оказался, по существу, исчерпанным. Существенное негативное влияние на торговое взаимодействие трёх стран в рамках ЕЭП оказало развитие кризисных явлений в экономике России и Белоруссии. Их следствием явилось начавшееся в 2012 г. и продолжавшееся в 2013 г. сокращение спроса на инвестиционные товары, в частности, на продукцию белорусского машиностроения.

По данным Евразийской экономической комиссии, по итогам 2013 г. объём взаимной торговли трёх стран сократился на 5,5%, при этом экспорт России в страны ТС упал на 8,8%, а Казахстана – на 5,9%, но вот у Белоруссии – он вырос на 3,4% [11]. По итогам I квартала 2014 г.

Рисунок 1. Товарная структура взаимной торговли стран Таможенного союза в 2011-2013 гг.

Источник: данные Евразийской экономической комиссии (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/vzaim_stat/Pages/default.aspx)

объём взаимной торговли трёх стран сократился на 12,6%, в том числе экспорт России – на 13,4%, Казахстана – на 27,9%, Белоруссии – на 12,6% [11], что во многом объясняется девальвацией их национальных валют.

В то же время в основе ухудшения динамики взаимной торговли лежат фундаментальные факторы и, прежде всего, исчерпание так называемых среднесрочных эффектов интеграции, которые наблюдаются непосредственно после формирования интеграционной группировки и выводят объём взаимной торговли на новый уровень, однако не меняют качественные характеристики её роста в долгосрочной перспективе. В отличие от «долгосрочного» воздействия, повышающего эффективность экономики в рамках интеграционного объединения и тем самым способствующего повышению качества экономического роста, среднесрочные эффекты не меняют темпы роста в долгосрочной перспективе. Их действие основано на преимуществах доступа на рынки партнёров, ёмкость которых задана экзогенно, в то время как «долгосрочные» эффекты обусловлены повышением ёмкости объединённого рынка за счёт изменения структуры экономики в ходе интеграционного процесса.

Таким образом, до настоящего времени развитие взаимной торговли в рамках ТС/ЕЭП России, Белоруссии и Казахстана демонстрирует наличие лишь определённых среднесрочных эффектов, однако указывает на отсутствие значимого долгосрочного интеграционного воздействия. По мере насыщения рынка Таможенного союза товарами, произведёнными в странах-партнёрах, первоначально весьма высокие темпы роста взаимной торговли начали показывать тенденцию к снижению. При этом ухудшение динамики взаимного товарообмена России, Белоруссии и Казахстана представляется закономерным даже при условии отсутствии рецессии.

Возникновение долгосрочных положительных эффектов ТС/ЕЭП связано с реализацией потенциала формирования полноценного общего рынка, создания на нём стабильных условий для улучшения экономической динамики, с использованием эффекта от увеличения масштабов, модернизацией структуры хозяйства и развитием экономической деятельности, с глубоких форм производственной кооперации. Решению этих задач, в первую очередь должно способствовать формирование общего рынка, в рамках которого преодолены все или большинство препятствий для появления центростремительного вектора совместного развития, каковыми являются различия в условиях ведения бизнеса, конкуренции, доступа к сырьевым ресурсам, инвестициям и пр. В то же время раскрытие интеграционного потенциала возможно только в контексте сращивания национальных экономик на микроуровне – на основе развития разветвлённой системы прямых связей субъектов бизнеса, включающей процессы внутриотраслевой производственной кооперации.

Лишь в случае выполнения этих условий в рамках ЕАЭС, запуска процессов кооперации на производственном уровне можно прогнозировать возникновение долгосрочных позитивных эффектов в экономиках России, Белоруссии и Казахстана. Между тем, подписанный договор о ЕАЭС, предусматривающий комплекс мер по реализации «равенства шансов» для бизнес-структур Союза на всей его территории (так называемая «негативная интеграция»), в то же время не предполагает заметного прогресса в сфере «позитивной интеграции». Так, например, полномочия в сфере проведения промышленной политики остаются на национальном уровне: «государства-члены самостоятельно разрабатывают, формируют и реализуют национальные промышленные политики», «промышленная политика в рамках Союза осуществляется государствами-членами» [4, статья 92].

В условиях недостаточного внимания к развитию «позитивной интеграции» обостряются риски, связанные с возможным замедлением темпов реального сращивания экономик трёх стран. Между тем, отмеченные риски представляются объективным и закономерным следствием политико-экономических реалий в регионе[3]. В данном контексте перспективы развития ЕАЭС будут во многом определяться возможностями по нахождению таких вспомогательных механизмов для развития интеграции на микроуровне, которые бы не противоречили интересам сторон по сохранению национального суверенитета в тех или иных сферах. В частности, весьма продуктивным представляется внедрение системы децентрализованных организаций, доказавших свою эффективность в практике ЕС.

В практике интеграционного процесса в рамках ЕАЭС децентрализованные агентства и фонды, созданные для решения отдельных задач в сферах совместной компетенции национальных и наднациональных органов, могли бы существенно повысить скорость и эффективность интеграционного процесса. Преимуществом подобных структур является их принцип работы по конкретным проектам: отдельные фонды могут создаваться на строго определённое время, в течение которого они должны решить поставленную задачу. Особую эффективность способно генерировать создание децентрализованных

[3] Следует отметить, что противоречие между наднациональным и межправительственным принципами принятия решений, затрудняющее развитие «позитивной интеграции» в тех или иных сферах давно и широко изучено в рамках межправительственного подхода к исследованию интеграционных процессов. В соответствии с данным подходом, интеграция возможна лишь в той мере, в которой могут быть согласованы стратегические или тактические интересы разных стран, а пределы интеграции ограничены и нестабильны (см., например, [16,17]).

агентств и фондов в соответствии с целями промышленной политики ЕАЭС, в частности, для поддержки отдельных отраслей. При этом ЕЭК могла бы выступать с инициативой создания тех или иных децентрализованных структур, а также координировать работу членов-учредителей конкретных фондов в процессе их создания. Выбор сфер действия децентрализованных структур должен осуществляться на основе детального анализа приоритетов согласованной стратегии в рамках ЕАЭС на конкретном этапе и фактической солидарности сторон в данном вопросе. Следует отметить, что важным достоинством децентрализованных агентств и фондов является возможность подключения к их работе стран, не входящих в ЕАЭС, но заинтересованных в развитии интеграционного взаимодействия с ним в отдельных сферах.

За пределами ЕАЭС: традиционный или открытый регионализм?

На фоне успехов ТС/ЕЭП/ЕАЭС попытка сочетать традиционный и открытый регионализм во взаимодействии России со странами за пределами евразийского «интеграционного ядра» не принесла удовлетворительных результатов. Закрепление достигнутого уровня интеграционного взаимодействия подписанием договора о многосторонней зоне свободной торговли СНГ[4] на практике, в силу объективных и субъективных причин, не поставило точку в вопросе о выборе между традиционным и открытым регионализмом. Так, практическая реализация принципов открытого регионализма в виде одновременного существования нескольких ЗСТ с участием одной страны (в частности, продолжение функционирования ЗСТ СНГ после подписания Соглашения об ассоциации с ЕС) столкнулась с непреодолимыми препятствиями.

По нашим оценкам, подписание Соглашения об ассоциации Украины с ЕС должно привести к кардинальным изменениям в торгово-экономическом сотрудничестве России и Украины, а также Украины и Белоруссии. В соответствии с Соглашением об ассоциации, Украина должна обнулить 95% пошлин на импортируемые из ЕС товары и снизить оставшиеся 5% [14]. До 2023 г. предполагается также обнуление Украиной экспортных пошлин в торговле с Европейским союзом. Квота на беспошлинный ввоз в Украину европейских легковых автомобилей составит 45 тыс. шт. в год.

В ходе имплементации Соглашения особую актуальность приобретает как вопрос о контрабанде европейских товаров из Украины в Россию и Беларусь, так и вопрос об обострении конкуренции между украинскими и российскими товарами на рынке стран ТС и увеличении объёмов экспортного предложения Украины вследствие повышения конкурентоспособности ряда украинских товаров, в производстве которых значителен удельный вес импортного сырья и комплектующих. В этих условиях одновременное существование двух ЗСТ в контексте российской позиции было фактически признано контрпродуктивным.

На этом фоне стратегия взаимодействия России с некоторыми странами за пределами евразийского «интеграционного ядра» после «тестирования» модели открытого регионализма демонстрирует тенденцию разворота к традиционной модели интеграции. Так, фактически принято решение о присоединении Армении к ТС/ЕЭП [10, 12, 6]; прорабатывается вопрос о вступлении в Таможенный союз Кыргызстана [9]. При таком развитии событий, однако, обостряются риски, связанные с реализацией идеи дифференцированной интеграции. Так, по мнению заведующего кафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД России Н.Ю. Кавешникова, реализация выбранного в рамках ЕврАзЭС типа дифференциации (модель авангарда и арьергарда) несёт очевидные угрозы, причём «особую озабоченность вызывает дисбаланс между уровнем интеграции, достигнутым в масштабах всего Сообщества, и потенциальной ...глубокой интеграцией между странами авангарда» [7].

Таким образом, на практике концепция традиционного регионализма в настоящее время показывает гораздо большую результативность применительно к отношениям России со странами «второй интеграционной орбиты», нежели открытый регионализм, однако практическая реализация обоих указанных подходов «в чистом виде» сталкивается с комплексом препятствий различного характера. В этих условиях обостряется проблема разработки оригинальных моделей и механизмов интеграции, адекватных реальной ситуации в регионе.

Тем не менее, представляется, что несмотря на очевидные неудачи в применении концепции открытого регионализма, данный подход сохраняет потенциал, с точки зрения его использования в стратегии взаимодействия России со странами «пояса соседства». Между тем, как и в случае с интеграцией в рамках интеграционного «ядра», инструментарий развития углублённых форм экономического взаимодействия нуждается в существенной доработке. Продуктивным может стать использование системы децентрализованных структур для реализации конкретных проектов сотрудничества в отдельных областях с учётом мультипликативного эффекта подобного «точечного» воздействия.

Несмотря на существенную модификацию стратегии взаимодействия России со странами

[4] Договор о многосторонней зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. подписали 9 членов СНГ – Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова, Россия, Украина, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан; 6 из них его ратифицировали – Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова, Россия и Украина. Узбекистан присоединился в особом порядке (отдельный Протокол к Договору), Таджикистан не ратифицировал; Азербайджан и Туркменистан Договор не подписали.

«пояса соседства» с учётом накопленного теоретического багажа в сфере изучения интеграционных процессов, результаты её реализации остаются, по меньшей мере, спорными. На фоне успехов в формировании ТС/ЕЭП/ЕАЭС очевидны неудачи в выстраивании отношении со «вторым кольцом друзей» на основе принципов открытого регионализма. В сложившихся условиях осмысление накопленного опыта взаимодействия России со странами «пояса соседства» с учётом имеющихся теоретических наработок, видимо, должно сопровождаться разработкой оригинальных подходов и механизмов интеграции, адекватных реальным условиям, сложившимся в регионе. Одним из таких механизмов может стать встраивание в институциональный каркас интеграции, как в рамках ЕАЭС, так и за его пределами, системы децентрализованных структур, основной задачей которых явилось бы содействие развитию экономических связей на микроуровне, способных оказать положительное воздействие на углубление интеграции в смежных секторах.

Список литературы

1. В Астане Президенты Беларуси, Казахстана и России подписали Договор о Евразийском экономическом союзе. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-05-2014-1.aspx.
2. Глинкина С.П., Ушкалова Д.И., Вардомский Л.Б., Дадабаева З.А., Косикова Л.С., Тураева М.О., Фурман Е.Д., Хейфец Б.А. Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации (научный доклад) / Под общей ред. С.П. Глинкиной. М.: Институт экономики РАН, 2013. 92 с.
3. Головнин М.Ю., Ушкалова Д.И. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. М: Институт экономики, 2011. 44 с.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе. Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depsng/agreement-eurasian-economic-union.
5. Договор о Комиссии Таможенного союза от 6 октября 2007 г. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/docs/Download.aspx?IsDlg=0&ID=3032&print=1
6. Заявление о плане мероприятий («дорожной карте») по присоединению Республики Армения к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635240009227454084.pdf
7. Кавешников Н.Ю. Развитие институциональной структуры Евразийского экономического сообщества // Евразийская экономическая интеграция. 2011. №2 (11). С. 19-35.
8. Косикова Л. На всех парусах (Глобальный аспект. Нужно ли нам СНГ?)// Прямые инвестиции. 2010. №2(94). С.22-25. Режим доступа: http://sberbank.ru/common/img/uploaded/sbjr/10-02/022-025.pdf
9. Меморандум об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Кыргызской Республикой. 31 мая 2013 г. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635058757400955257.pdf
10. Меморандум об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Республикой Армения. 6 ноября 2013 г. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635194324392194093.pdf
11. Объёмы, темпы и пропорции развития взаимной торговли государств - членов ТС и ЕЭП. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/test-trade/tables/intra/Pages/2014/03.aspx
12. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 24 октября 2013 г. №49 «О присоединении Республики Армения к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635183166595329761.pdf
13. Статистика взаимной торговли между государствами-членами Таможенного союза. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/vzaim_stat/Pages/default.aspx
14. Association Agreement between the European Union and its member states, on the one part, and Ukraine, on the other part (2013): Brussels, European Commission, 15.5. COM(2013) 290 final. Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2013/0290/COM_COM(2013)0290(PAR2)_EN.pdf
15. Libman A., Ushkalova D. Foreign Trade Effects of the Customs Union between Belarus, Kazakhstan, and Russia // Central Asia Economic Paper. May 2013. No.8. Elliott School of International Affairs, the George Washington University.
16. Moravcsik A. Liberalism and International Relations Theory. Harvard University Center for International Affairs. 1992. Paper N 92-6. Pp. 1-38.

17. Moravcsik A. Preference and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmental Approach. Journal of Common Market Studies. Volume 31, No. 4. December 1993. Pp. 473-524.

Об авторе

Ушкалова Дарья Игоревна – к.э.н., заведующая сектором проблем участия России в мирохозяйственных процессах Института экономики РАН. E-mail: ushkalova@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках совместного научно-исследовательского проекта с Национальной академией наук Украины (НАН Украины) «Экономическое взаимодействие стран - членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта» (проект 13-22-02004).

ON THE ISSUE OF MODELS AND MECHANISMS OF RUSSIA`S PARTICIPATION IN REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION

D.I. Ushkalova

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 32, Nakhimovskiy prospect, Moscow, 117218, Russia.

Abstract: *The article analyses models and mechanisms of Russia`s participation in integration processes in Post-Soviet space in recent years. The article examines the model of integration of Customs Union Common Economic Space Eurasian Economic Union and particular mechanisms of its realization. It also examines key challenges to further development of integration in the frameworks of Eurasian Economic Union including exhausting of short-term and medium-term integration effects against a background of low level of economic cooperation and the lack of effective mechanism of interest coordination and decision-making similar to qualified majority. It concludes that deterioration of mutual trade dynamics in Customs Union is determined by fundamental factors, first of all, exhausting of medium-term integration effects which lead to extension of mutual trade immediately after Customs Union creation but do not change its qualitative characteristics in long-term outlook. The author shows an absence of significant long-term integration effects which were based on increase of domestic market capacity due to a modification of economic structure. It is founded that appearance of such long-term integration effects is possible only in the context of coalescence of national economies at the microlevel based on development of system of communications between enterprises including intrasectoral industrial cooperation.*

The article also analyses results of realization of Russia`s strategy of interaction with states beyond Eurasian Economic Union based on open regionalism concept. The paper presents recommendation on perfection of tools of integration in and outside Eurasian Economic Union. In particular, creation of system of decentralized organizations is proposed, for the implementation of specific cooperation projects in selected areas, taking into account the multiplier effect of such a "point-aimed" action/

Key words: Eurasian Economic Union, Customs Union and Common Economic Space of Russia, Belarus and Kazakhstan, regional economic integration, Post-Soviet space.

References

1. V Astane Prezidenty Belarusi, Kazakhstana i Rossii podpisali Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze[In Astana, the Presidents of Belarus, Kazakhstan and Russia signed a Treaty on the Eurasian economic Union]. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-05-2014-1.aspx
2. Glinkina S.P., Ushkalova D.I., Vardomskiy L.B., Dadabaeva Z.A., Kosikova L.S., Turaeva M.O., Furman E.D., Heyfetz B.A. Evraziyskiy integrazionnyi proekt: effekty i problemy realizacii [Eurasian integration project: effects and problems of implementation]. / ed. Glinkina S.P. Moscow: Institute of Economics RAS, 2013. 92 c.
3. Golovnin M.U., Ushkalova D.I. Teoreticheskie podhody k issledovaniyu mezdunarodnoy economicheskoyi integracii [Theoretical approaches to the study of international economic integration]. Moscow: Institute of Economics RAS, 2011. 44 c.

4. Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze [The Treaty on the Eurasian Economic Union]. Available at: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depsng/agreement-eurasian-economic-union
5. Dogovor o Komissii Tamozhennogo soyuza ot 6 oktyabrya 2007 goda [The Treaty on the Commission of the Customs Union, October 6, 2007]. Available at: http://www.eurasiancommission.org/docs/Download.aspx?IsDlg=0&ID=3032&print=1
6. Zayavlenie o plane meropriyatiy ("dorozhnoy karte") po prisoedineniyu Respubliki Armeniya k Tamozhennomu soyuzu i Edinomu ekonomicheskomu prostranstvu Respubliki Belarus', Respubliki Kazakhstan i Rossiyskoyi Federacii [Statement on the action plan "road map" on accession of the Republic of Armenia to the Customs Union and the Common Single Economic Space of Belarus', Kazakhstan and the Russian Federation]. Available at:: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635240009227454084.pdf
7. Kaveshnikov N.Y. Razvitie institucionalnoy struktury Evraziyskogo ekonomicheskogo soobschestva [The development of the institutional framework of the Eurasian economic community]. // Evraziyskaya ekonomicheskaya integraciya. 2011. №2 (11). S. 19-35.
8. Kosikova L.S. Na vseh parusah (Global'nyi aspekt. Nuzhen li nam SNG?) [In fullsails (Global aspect. Do we need the CIS?)]. // Pryamye investicii. 2010. №2(94). Available at: http://sberbank.ru/common/img/uploaded/sbjr/10-02/022-025.pdf
9. Memorandum ob uglublenii vzaimodeystviya mezhdu Evraziyskoi ekonomicheskoi komissiei i Kyrgyzskoi Respublikoi. 31 maya 2013 goda [The Memorandum on deepening cooperation between the Eurasian Economic Commission and the Kyrgyz Republic. May 31, 2013]. Available at:http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635058757400955257.pdf
10. Memorandum ob uglublenii vzaimodeiystviya mezhdu Evraziyskoy ekonomicheskoy komissiey i Respublikoy Armeniya. 6 noyabrya 2013 goda [The Memorandum on deepening cooperation between the Eurasian Economic Commission and the Republic of Armenia. 6 November 2013]. Available at:http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635194324392194093.pdf
11. Ob`yomy, tempy i proporcii vzaimnoi torgovli gosudarstv-chlenov TS i EEP [Volumes, rates and proportions in development of mutual trade of the Member States of the Customs Union and the CES]. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/test-trade/tables/intra/Pages/2014/03.aspx
12. Reshenie Vysshego Evraziyskogo Ekonomicheskogo Soveta ot 24 oktyabrya 2013 goda №49 "O prisoedinenii Respubliki Armeniya k Tamozhennomu soyuzu i Edinomu ekonomicheskomu prostranstvu Respubliki Belarus', Respubliki Kazakhstan i Rossiyskoi Federacii [The decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 24 October 2013, №49 "On accession of the Republic of Armenia to the Customs Union and the Single Economic Space of Belarus', Kazakhstan and the Russian Federation]. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635183166595329761.pdf
13. Statistika vzaimnoy torgovli mezhdu gosudarstvami-chlenami Tamozhennogo soyuza. [Statistics of mutual trade between Member States of the Customs Union]. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/vzaim_stat/Pages/default.aspx
14. Association Agreement between the European Union and its member states, on the one part, and Ukraine, on the other part (2013): Brussels, European Commission, 15.5. COM(2013) 290 final. Available at:http://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2013/0290/COM_COM(2013)0290(PAR2)_EN.pdf
15. Libman A., Ushkalova D. Foreign Trade Effects of the Customs Union between Belarus', Kazakhstan, and Russia // Central Asia Economic Paper. May 2013. No.8. Elliott School of International Affairs, the George Washington University. Pp. 1-6.
16. Moravcsik A. Liberalism and International Relations Theory. Harvard University Center for International Affairs. 1992. Paper N 92-96. Pp. 1-38.
17. Moravcsik A. Preference and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmental Approach. // Journal of Common Market Studies. Volume 31, No. 4. December 1993. Pp. 473-524.

About the author

Darya I. Ushkalova – PhD. (Economics), Head of the Sector for Problems of Russia`s participation in Global Economy, Institute of Economics, RAS. E-mail: ushkalova@mail.ru